

ПРАВО ВХОДА

роман

Олег Павитров

Право входа

<https://litres.ru/74655204>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если компьютерная игра откроет дверь не в виртуальный мир, а к истокам мироздания?

Матвей, начинающий программист из Москвы, создаёт Goodnet — игру с полным погружением. Но во время испытания программа открывает ему доступ к Нулевой точке, где привычные законы реальности не действуют.

Таинственный Наблюдатель объясняет: код Матвея стал ключом к пространству, существовавшему ещё до мятежа небесного воинства. Теперь этой разработкой интересуются и падшие.

Тем временем под угрозой оказывается и земная жизнь Матвея. Новая работа, первая любовь и конфликт с сыном владельца компании втягивают его в опасную борьбу.

Чтобы защитить близких, Матвею придётся вмешаться в противостояние, начавшееся задолго до появления человечества.

Но имеет ли человек право менять ход событий там, где даже ангелы не вправе нарушать свободу воли?

Содержание

Пролог. Серая пустота	4
Глава 1. Goodnet	7
Глава 2. Сообщение Наблюдателя	14
Глава 3. Голос в храме	19
Глава 4. Человек за столиком	22
Глава 5. Первая тень	26
Глава 6. RTK Services	29
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Павитров

Право входа

Пролог. Серая пустота

Сначала Матвей решил, что сломал шлем.

Экран погас не сразу. Он дрогнул, словно изображение под водой, затем белые строки отладчика вытянулись в тонкие нити и исчезли одна за другой. В комнате остался только гул системного блока, мерное дыхание вентиляторов и зелёный огонёк на боковой панели компьютера. Матвей дёрнул головой, пытаясь снять шлем виртуальной реальности, но пальцы не нашли ни ремня, ни пластика.

Вместо комнаты вокруг него была пустота.

Не чёрная и не белая. Серая. Ровная, бесконечная, без горизонта, без пола, без потолка. Он стоял или висел — понять было невозможно. Тело не чувствовало веса, но сердце билось так громко, будто его заперли в металлической коробке. Матвей попытался крикнуть, но звук не родился. Рот открылся, воздух не шевельнулся.

«Ошибка визуализации. Сбой сцены. Петля рендера. Сейчас сниму шлем, перезапущу систему, и всё», — сказал он себе мысленно.

Но серое пространство не похоже было на сбой. В ком-

пьютерных ошибках всегда есть след: обрыв текстуры, дрожание объектов, битые пиксели, застывшая геометрия. Здесь не было ничего. Даже времени. Секунды не тянулись и не проходили — они просто отсутствовали.

Матвей заставил себя вспомнить последовательность действий: MacBook, кабель, шлем, сборка Goodnet, новый модуль визуализации, который он собрал по подсказкам Наблюдателя. Он запустил тест не для всей игры, а только для пустого мира. Должна была появиться базовая сцена: небо, условная поверхность, источник света, интерфейс отладки. Вместо этого программа провалила его сюда.

В голове мелькнула мысль, от которой стало холодно: а если это не программа?

Серость дрогнула. Где-то далеко, если в таком месте вообще могло существовать «далеко», прошла волна. Матвей увидел тонкую линию света. Она появилась на миг и погасла, но после неё в пустоте осталось ощущение присутствия. Как будто кто-то заметил его.

Матвей рванулся назад всем телом, хотя не знал, где находится «назад». Паника наконец прорвала оцепенение. Он дёрнул руками, зажмурился и мысленно выкрикнул единственную команду, которая пришла в голову:

«Выход!»

Комната ударила по нему шумом. Вентиляторы взвыли, шлем снова стал тяжёлым и неприятно тёплым. Матвей сорвал его с головы так резко, что кабель выскочил из разъёма

и упал на пол. На экране MacBook мигало окно аварийного завершения программы и надпись TRACE ATTACHED.

Он смотрел на него несколько секунд, не моргая. Потом закрыл крышку ноутбука, словно боялся, что серая пустота просочится наружу через тонкую светящуюся щель.

На кухне пахло остывшим кофе. Матвей налил воды, сделал три глотка и только тогда заметил, что руки дрожат.

Он хотел создать игру.

А открыл дверь туда, где игр не существовало.

Глава 1. Goodnet

Москва в конце мая казалась Матвею городом, который никак не мог решить, кем он хочет быть: шумной машиной из стекла и бетона или старым двором, где по вечерам пахло мокрой листвой, пылью и горячим асфальтом. После колледжа он часто возвращался домой пешком, чтобы успеть подумать. Диплом по программированию был почти в кармане, взрослые вопросы уже стучали в дверь, но внутри всё ещё жила уверенность, что настоящая жизнь начнётся не с трудовой книжки и не с первой зарплаты.

Настоящая жизнь должна была начаться с Goodnet.

Так Матвей назвал игру, которую они с друзьями сначала придумали шутки ради. Игорь говорил, что это будет «Цивилизация», только умнее. Андрей мечтал о сетевом режиме, в котором игроки не просто строят города и воюют, а буквально чувствуют себя творцами: меняют климат, религии, поведение народов, даже законы физики внутри мира. Матвей слушал их, смеялся, спорил — и постепенно понимал, что эта идея не отпускает его.

Ему нравилась сама мысль о создании мира. Не просто написать код, не просто собрать интерфейс, не просто заставить юнитов бегать по карте. Создать систему, в которой миллионы мелких решений рожают историю. Чтобы у виртуальных цивилизаций появлялись собственные страхи, ве-

рования, войны, союзы, герои и предатели. Чтобы игрок был не кукловодом, а чем-то похожим на Творца, который задаёт условия и смотрит, что из них вырастет.

Родители к таким разговорам относились осторожно. Отец считал, что сперва надо найти нормальную работу, а мечты можно развивать по вечерам. Мать, верующая и мягкая, но в важных вопросах упрямая, однажды сказала:

— Смотри, сынок. Играть в творца — дело опасное. Человек быстро забывает, что сам не всё решает.

Матвей тогда отмахнулся. Он не был атеистом из принципа, но и верующим себя не называл. В детстве его крестили, иногда он заходил в церковь вместе с родителями, а в тяжёлые минуты мог поставить свечу и попросить помощи. Но это была скорее привычка сердца, чем осознанная вера.

После двадцать первого дня рождения всё ускорилося. Друзья скинулись и подарили ему VR-шлем. Подарок оказался не просто игрушкой, а недостающим звеном. Матвей начал думать о Goodnet не как об обычной стратегии, а как о мире полного присутствия. Код, сцена, интерфейс, движение взгляда, реакция пространства — всё должно было работать так, чтобы игрок забывал о комнате вокруг.

Деньги на новый MacBook он заработал на складе «Озона». Работа была тяжёлой и скучной: тележки, коробки, сканеры, смены, усталые лица. Но каждый вечер Матвей возвращался домой с мыслью, что ещё немного — и у него будет железо, на котором Goodnet наконец задышит. Игорь и Ан-

дрей подрабатывали вместе с ним. Они шутили, что строят империю с самого низа: сначала таскают коробки, потом создают цифровые миры.

Когда MacBook оказался на столе, Матвей почувствовал почти детскую радость. Он подключил шлем, перенёс сборку, но программа не хотела работать: постоянно возникали конфликты, даже MacBook периодически зависал и выдавал уведомления о некорректных протоколах.

После нескольких дней мучений и бессонных ночей Матвей понял, что ему не хватает знаний. Он решил спросить совета у более опытных разработчиков и открыл тему на форуме.

После нескольких бесполезных переписок с местными гуру ему пришло личное сообщение от пользователя под ником «Наблюдатель».

Сообщение было странным. Наблюдатель не хвалил и не критиковал проект напрямую. Он писал так, будто видел в коде то, чего не видел сам Матвей: «Вы пытаетесь не отобразить мир, а задать ему слой восприятия. Это правильное направление. Если хотите усилить эффект присутствия, попробуйте уйти от имитации пространства к прямой связке наблюдателя и среды».

К письму прилагались фрагменты алгоритма. Не готовое решение, а скорее набор принципов. Матвей сперва решил, что это продвинутый способ оптимизации сцены, но чем глубже разбирался, тем сильнее понимал: логика там была

непривычной. Она не строила изображение перед глазами. Она заставляла программу реагировать на самого наблюдателя.

Неделю Матвей почти не выходил из комнаты. Питался урывками, заказывал доставку еды. Спал и мылся, когда удавалось, а на звонки друзей и родителей отвечал между делом, обычно пока что-нибудь готовил.

Его состояние можно было описать одним словом — вдохновение. Постепенно, шаг за шагом, ошибки исчезали, а протоколы переставали конфликтовать друг с другом и выдавать сообщения о некорректных ссылках. Работа напоминала сборку мозаики: Матвей держал в голове всю картину, но фрагменты не сразу становились на свои места. Наконец тестовый отладчик сообщил, что всё работает корректно и можно подключать периферийные устройства.

В этот момент Матвея вдруг охватила робость, даже необъяснимый страх. С одной стороны, он сам создал программу. С другой — не до конца понимал, что сотворил. В идеале он должен был попасть в созданный мир с невероятным эффектом присутствия. Но где гарантия, что программа просто не вскипятит ему мозг, превратив в пускающего слюни идиота?

Матвей ходил опустошённый. Ему не терпелось надеть шлем и попробовать новый модуль Goodnet, который он назвал МПР — «модуль пробоя реальности». Но необъяснимый страх удерживал его от этого шага.

Наконец он решил: «Лягу спать, потом на свежую голову ещё раз всё проверю и решу, что делать».

Утром Матвей встал, зашёл в ванную, посмотрел в зеркало и не узнал себя. Только теперь он понял, что очнулся от наваждения, которое владело им всю неделю. В зеркале на него смотрел молодой симпатичный парень, сильно заросший, с растрёпанными волосами и кругами под глазами неопределённого цвета.

«Да, подзапустил я себя», — подумал Матвей и шагнул под душ.

Через полчаса, выбритый и посвежевший, он энергично принялся готовить завтрак из того, что нашлось. Быстро позавтракав, подсчитал финансы и с ужасом осознал, что после покупки MacBook денег осталось совсем немного.

«Надо срочно искать работу», — мелькнула мысль и тут же исчезла, стоило ему зайти в комнату и посмотреть на шлем.

Несколько минут в его голове спорили два голоса. Первый твердил, что надо срочно опробовать игру. Второй возражал: какая игра, если нужно прибраться в квартире, помыть посуду, постирать грязное бельё, позвонить родителям и друзьям, посмотреть вакансии? А уже потом лезть в игру.

Первый, естественно, победил: попробовать игру хотелось жутко, до мурашек по всему телу. «А, была не была. Только одним глазом гляну, удостоверюсь, что всё работает, и сразу за уборку», — подумал Матвей. Пока не передумал,

быстро надел шлем и запустил Goodnet.

По экрану пробежали ряды загрузочных цифр и сообщения о проверке протоколов. Затем проявилась кнопка «ПУСК». Матвей мысленно нажал на неё и в тот же миг ощутил падение в пустоту.

И в тот же миг, когда Матвей сорвался внутрь серости, в Нулевой точке дрогнуло чужое внимание.

Денница ещё не называл себя падшим. Его мятеж ещё не стал войной, но гордая мысль уже искала место, где можно будет доказать своё право быть центром. Он почувствовал невозможное: из будущего в пространство до человека вошёл человеческий след. Не тело, не плоть, а матрица памяти, страха, воли и имени.

Это было оскорбительно и прекрасно одновременно. Человек ещё не был создан, а его отзвук уже нарушал порядок, проходил туда, куда не должен был пройти ни один смертный.

Денница не бросился за Матвеем сам. Для этого ещё не было ни пути, ни права, ни формы. Он сделал другое: отделил от собственного внимания тончайший осколок матрицы — не силу целиком, не личность, а тёмную занозу взгляда — и направил её по следу человеческого возвращения.

Когда Матвей вырвался обратно в комнату, осколок ушёл вслед за ним. Он не вошёл в душу. Не смог. Внутри Матвея ещё держались имя, страх, молитвы детства и странное упрямое желание не дать злу стать нормой. Но осколок остался

рядом — в тени его следа, в краю восприятия, как сажа на стекле, которую сам человек не замечает.

Глава 2. Сообщение Наблюдателя

После провала в серую пустоту Матвей несколько часов убеждал себя, что всё объясняется техникой. Он проверил кабели, температуру процессора, логи, ошибки библиотеки, версию драйверов и даже состояние розетки. Ничего не сходилось. Программа не зависла, не потеряла сцену и не ушла в бесконечный цикл. Она завершилась штатно после команды выхода, хотя такой команды в модуле ещё не было.

Вечером позвонил Игорь.

— Ну что, творец, мир уже создан?

Матвей попытался ответить шуткой, но голос подвёл.

— Я сегодня чуть не поседел. Запустил тест — и оказался в каком-то сером объёме. Не картинка, не сцена, не баг. Как будто меня куда-то выдернуло.

На другом конце линии повисла короткая пауза, а потом Игорь рассмеялся.

— Брат, тебе надо выспаться. И выйти из квартиры. Ты слишком много сидишь за монитором.

Андрей, подключившийся к звонку, поддержал:

— Пошли в зал. Если после штанги снова увидишь серый объём, тогда будем звать экзорциста или системного администратора. В зависимости от симптомов.

Матвей согласился не потому, что ему стало смешно, а потому что очень хотелось вернуться к обычному миру. К

шуму раздевалки, запаху резины, железу тренажёров, к друзьям, которые не видели в происходящем ничего страшного. Чем обычнее всё выглядело вокруг, тем легче было поверить, что пустота ему просто показалась.

— Хорошо, давайте вечером. Сегодня как раз родители с дачи приезжают. Надо прибраться в квартире, кое-какие дела сделать — в холодильнике шаром покати.

— Тогда до вечера, — сказал Игорь и отключился.

Матвей со вздохом пошёл мыть посуду и загружать бельё в стиральную машину. За делами время пролетело незаметно. Раздался звонок в дверь.

«Вот и родители», — подумал Матвей.

Он любил родителей уже не той детской любовью, когда весь мир крутится вокруг мамы и папы, а они воспринимаются как часть тебя самого. Ему нравилось смотреть на мать — ещё молодую, симпатичную женщину, — вдыхать её знакомый с детства запах, слышать голос. От этого Матвей невольно расслаблялся, ему хотелось прижаться к ней.

Так он и сделал: обнял мать, поцеловал в щёку и получил ответный поцелуй. Отец молча внёс сумки, улыбнулся и спросил:

— Ну что, Матвейка, как хозяйство?

— Нормально, вроде нигде не накосячил, — улыбнулся Матвей.

— Чем кормить родичей будешь? Всё, что есть в печи, на стол мечи.

Матвей заранее почистил и нарезал картошку. В холодильнике нашлась селёдка. Он помог занести сумки на кухню и поставил сковороду разогреваться.

— Сейчас картохи пожарю, с селёдкой. Будете?

— Ну, от такого никто в здравом уме не откажется, — сказал отец. — Помочь?

— Нет, я сам. Мойтесь с дороги, отдыхайте.

Мать быстро прошла по квартире с ревизией, осталась довольна и пошла мыться и переодеваться.

— Какие новости? — спросил отец. — Что с работой? Как твоя игрушка?

Матвей обстоятельно отвечал на вопросы, неторопливо помешивая жарившуюся картошку.

Через полчаса вся семья ела простую домашнюю еду — жареную картошку с солёной селёдкой и луком.

— Хорошо получилось, — сказал отец. — Можно жениться. Как с девочками?

— Какое жениться! — перебила его мать. — Сначала работу найти надо, денег заработать, квартиру купить, а потом уж жениться. Да и рано ему ещё, пусть походит молодым, беззаботным.

Матвей уже не вслушивался в этот ни к чему не обязывающий разговор. Он сказал, что собирается с ребятами на тренировку, коротко рассказал, что с ним произошло за неделю, и пошёл в свою комнату.

Встретившись возле клуба и обменявшись приветствия-

ми, друзья пошли в раздевалку, а затем в тренажёрный зал.

Во время тренировки телефон завибрировал. На экране высветился неизвестный номер.

«Будь осторожен с модулем. Некоторые двери нельзя открывать без понимания, кто стоит по другую сторону».

Матвей перечитал SMS дважды. Потом показал друзьям.

— Розыгрыш, — сказал Андрей слишком быстро.

— Или мошенники, — добавил Игорь. — Ты где-нибудь номер светил? На форумах? В резюме?

— В резюме — да. Но откуда они знают про модуль?

Друзья переглянулись. Их уверенность дала первую трещину, но никто не захотел признавать это вслух.

— Не отвечай, — сказал Игорь. — Если что, звони нам. Разберёмся.

После зала Матвей пошёл домой пешком. Вечер был тёплый, но на улице ему стало зябко. Несколько раз возникало чувство, что кто-то идёт за спиной в одном ритме с ним. Он останавливался — шаги исчезали. Ускорялся — где-то в стороне мелькала тень. Один раз ему показалось, будто у стены проскользнул силуэт: не человек, не собака, что-то ниже человеческого роста и слишком быстрое для обычного прохожего.

Дома мать встретила его на пороге.

— Матвей, что с тобой? На тебе лица нет.

— Нормально всё. Устал.

Она не стала спорить. Только посмотрела внимательно,

как смотрят люди, которые знают тебя с первого крика и поэтому слышат ложь даже в молчании.

— Сходил бы ты с нами в воскресенье в храм. Не потому, что мы заставляем. Просто иногда человеку надо постоять в тишине. Там ответы приходят не сразу, но приходят.

Раньше Матвей бы отмахнулся. В этот раз кивнул.

Ночью он долго не мог уснуть. Перед глазами снова и снова возникала серая пустота. Но страшнее была не она. Страшнее было ощущение, что пустота тоже смотрит на него.

Глава 3. Голос в храме

В воскресенье утром Матвей пошёл в храм вместе с родителями. Он делал это не впервые, но впервые чувствовал себя не гостем и не сыном, которого привели за компанию, а человеком, пришедшим за объяснением. Внутри пахло воском, деревом и ладаном. Люди говорили шёпотом, ставили свечи, крестились, уходили в себя. Матвей стоял чуть позади матери и пытался успокоить дыхание.

Молитвы он знал плохо. Слова службы сливались в общий поток, но именно в этом потоке вдруг появилась тишина. Не внешняя — храм не замолчал. Тишина возникла внутри головы, будто кто-то осторожно убрал лишние мысли.

«Кто ты?» — спросил Матвей мысленно, сам не понимая, почему обращается не к Богу, а к присутствию рядом.

Ответ пришёл без звука:

«Тот, кто был рядом с тобой с первого дня».

Матвей похолодел.

«Ангел-хранитель?»

«Так тебе будет проще понять».

Он вцепился пальцами в край стены. Перед глазами стояли свечи, люди, иконы — всё было на месте. Он не падал, не терял сознание, не видел сияющих крыльев. Только голос внутри, ясный и спокойный.

«Почему сейчас?»

«Потому что ты коснулся границы, которую человек обычно не видит. Твой модуль не создал новую реальность. Он нашёл шов между созданным миром и тем слоем, где замысел ещё не стал материей».

Матвей не сразу понял смысл ответа. В нём было слишком много невозможного.

«Я просто писал код».

«Код тоже может быть языком. Вопрос в том, к чему он обращён».

«Наблюдатель. Кто он?»

На этот раз ответ пришёл не сразу.

«Я не знаю его имени. Но вижу след: он не из падших. И не из людей».

Матвей почувствовал, как страх уступает место злости. Его использовали. Кто-то подбросил алгоритм, подтолкнул к открытию двери, а теперь даже ангел-хранитель не мог дать точного ответа.

«Зачем ему я?»

«Ты стал фигурой влияния. Не потому, что сильнее других, а потому что сумел соединить волю, разум и инструмент. Через тебя можно изменить ход событий. Но только если ты сам выберешь путь».

«А если я откажусь?»

«Тогда выбор всё равно будет сделан. Только не тобой».

Эти слова испугали Матвея сильнее пустоты. Он вдруг ясно понял: опасность не в том, что его заставят. Опасность в

том, что он может испугаться, закрыть ноутбук, сделать вид, что всё приснилось, а дверь останется открытой для кого-то другого.

После службы мать спросила, стало ли ему легче. Матвей хотел сказать «да», но не смог.

— Я, кажется, должен кое с кем встретиться, — произнёс он вместо этого.

Дома он открыл чат форума и написал Наблюдателю всё: о серой пустоте, SMS, храме, голосе, ангеле-хранителе. В конце добавил: «Если ты знаешь, что происходит, объясни. Иначе я удалю модуль».

Ответ пришёл почти сразу:

«Сегодня. 19:00. Кафе “Сказка”, Полянка. Я сам подойду».

Матвей посмотрел на экран. Затем сохранил копию проекта на внешний диск, спрятал его в ящик стола и впервые за долгое время перекрестился не по привычке, а потому что не знал, что ещё может сделать.

Глава 4. Человек за столиком

Кафе «Сказка» оказалось маленьким и слишком уютным для разговора о конце привычного мира. На окнах висели лёгкие занавески, за стойкой пахло кофе и выпечкой, в углу тихо играла музыка. Матвей пришёл на пятнадцать минут раньше и сразу понял, что не сможет спокойно ждать.

Наблюдатель сидел у окна.

На вид ему было не больше тридцати. Голубые джинсы, тёмная рубашка с коротким рукавом, спокойная осанка человека, которому не нужно оглядываться. Но глаза выдавали его сильнее любых крыльев или сияния. Ярко-зелёные, почти невозможные, они смотрели так, будто видели не лицо Матвея, а все его незаданные вопросы.

— Наблюдатель? — спросил Матвей, подходя к столику.

— Да. Садись.

— У тебя есть имя?

— Есть. Но оно не переводится на ваш язык без потери смысла. К тому же тебе безопаснее его не знать.

Матвей сел, напротив.

— Отличное начало. Значит, я всё-таки не сошёл с ума?

— Нет. Хотя сомнение в твоём положении — признак здравого рассудка.

Они заказали минеральную воду. Матвей сделал глоток, чтобы выиграть несколько секунд, но вопросы всё равно про-

рвались разом:

— Кто ты? Зачем дал мне алгоритм? Что такое серая пустота? Почему мой ангел говорит, что я фигура влияния? И почему мне пишут предупреждения с неизвестных номеров?

Наблюдатель не перебивал. Когда Матвей замолчал, он сложил пальцы на столе.

— Начну с простого. Ты не первый, к кому я обращался. Но ты один из немногих, кто прошёл первый порог.

— Что это значит?

— Большинство людей видит в технологии только инструмент выгоды. Деньги, слава, власть, контроль. Ты тоже хотел успеха, но в основе твоего проекта было другое: желание понять, как рождается мир. Это опасное желание, но оно ближе к творчеству, чем к жадности.

— Звучит красиво. Но я не святой.

— Святые редко подходят для первого шага. Они слишком хорошо знают цену двери и не всегда готовы её открыть. Нужен был человек, достаточно дерзкий, чтобы попробовать, и достаточно живой, чтобы испугаться последствий.

Матвей усмехнулся без радости.

— Спасибо за характеристику.

Наблюдатель чуть наклонился вперёд.

— Существуют уровни взаимодействия с реальностью. Человеческий — действие через тело, слово, предметы. Магический — действие через волю и знаки, когда символ меняет свойство вещи. Ангельский — действие через чистую

структуру, без обязательной материи. Божественный — не изменение готового, а сотворение самого основания.

— И мой модуль...

— Твой модуль стал костылём для перехода от человеческого уровня к магическому. Пока тебе нужны техника, экран, код, питание, интерфейс. Но сам принцип уже работает. Goodnet больше не просто игра.

Матвей молчал. Наблюдатель продолжил:

— Серая пустота — нулевая точка. Не место в привычном смысле. Скорее уровень до оформления мира. Там когда-то звучали первые слова, которыми ангелы понимали структуру творения.

— Магический алфавит?

— Его обломки. Слова, которые не описывают вещь, а указывают ей, чем быть.

— И зачем мне туда?

— Потому что до раскола небесного воинства там хранились артефакты. После мятежа часть из них была искажена падшими. Через такие артефакты тьма усиливает человеческие пороки: гордыню, зависть, стяжательство, похоть власти. Не создаёт зло из ничего, а подкармливает то, что человек сам в себе не удержал.

Матвей вспомнил SMS, тень у стены, странную пустоту за спиной.

— Ты хочешь, чтобы я забрал эти артефакты?

— Я хочу, чтобы ты получил шанс сделать это. Хотеть за

тебя я не могу.

— А если тёмные силы уже знают обо мне?

— Знают. Не все. Но достаточно, чтобы начать действовать через людей рядом с тобой.

Наблюдатель поднялся, оставил купюру на столе.

— У тебя мало времени. Следующий шаг — сделать модуль автономным. Убрать шлем, убрать мощное железо. Превратить его в ключ, который можно носить с собой. Но помни главное: дверь открывается в обе стороны.

Он ушёл так быстро, что Матвей не сразу понял: разговор закончился.

В стакане ещё оставалась минералка. Матвей смотрел на неё, пока пузырьки поднимались к поверхности, и думал только об одном:

«Вот это я влип».

Глава 5. Первая тень

На улице уже смеркалось. После разговора с Наблюдателем город казался Матвею нарисованным поверх чего-то более глубокого. Фонари, машины, люди у метро, вывески кафе — всё было обычным, но за обычностью теперь чувствовалась тонкая плёнка. Стоило её продавить — и снова появится серая пустота.

До станции оставалось несколько кварталов, когда из тёмной арки донёсся голос:

— Эй, парень. Иди сюда.

Матвей остановился. В прежней жизни он бы прошёл мимо. После спортзала и бокса он не считал себя слабым, но и героем не был. Однако сегодня внутри сидело слишком много страха, а страх легко превращается в злость.

— Чего надо?

Из арки вышли трое. Двое — примерно его возраста, третий постарше, с тяжёлым взглядом и улыбкой человека, привыкшего проверять чужие границы.

— Кошелёк доставай. Телефон тоже. Быстро.

— Вы ошиблись.

— Мы видели, откуда ты вышел. В кафе сидел, значит, деньги есть.

Матвей медленно поднял руки, будто собирался достать кошелёк. На самом деле он сместился на полшага, чтобы

двое оказались на одной линии. Тренер когда-то говорил: если драки не избежать, сделай так, чтобы она закончилась раньше, чем противник поймёт, что началась.

Первый удар провел в печень. Попал точно. Старший согнулся и рухнул на колени, хватая воздух ртом и держась за бок. Второй получил оверхенд в висок и ударился плечом о стену. Третий успел отскочить.

— Эй! Ты чего, псих?! Мы же пошутили!

Матвей сам испугался того, как спокойно прозвучал его голос:

— Я тоже. Неудачно.

Он развернулся и пошёл к метро, не оглядываясь. Только у входа, среди людей и света, его накрыла дрожь. Он сел на лавку и несколько минут смотрел на свои костяшки. На правой руке выступила кровь: чужая или его собственная, он не понял.

Внутренний голос — не ангельский, обычный, человеческий — сказал: «Времени на раздумья всё меньше».

Дома он долго стоял под душем. Горячая вода не смыла ощущение, что нападение не было случайным. Да, трое гопников могли просто выбрать удобную жертву. Но почему именно сейчас? Почему сразу после встречи? Почему третий, отступая, на мгновение посмотрел не на Матвея, а куда-то за его плечо — будто ждал команды?

Утром он проснулся с неожиданным чувством лёгкости. Бабушка в детстве учила его смешной считалке: «Сегодня у

меня произойдёт три чуда. Разрешаю. Раз, все ограничения снимаю. Два. Да будет так. Три». Матвей щёлкнул пальцами, улыбнулся и решил, что, хотя бы одно чудо сделает сам.

Он отжался пятьдесят раз, выпил кофе, пожарил яичницу и собрался на смену в «Озон». Пока завязывал кроссовки, пришло уведомление с HeadHunter.

Приглашение на собеседование.

IT-компания RTK Services приглашала его на позицию младшего разработчика. Матвей перечитал письмо, не веря глазам. Потом отправил скриншот друзьям.

Игорь ответил первым: «Ну всё, великий программист покидает коробочное царство».

Андрей добавил: «Только не забудь нас, когда станешь богом стратегий».

Матвей хотел пошутить в ответ, но слово «бог» неприятно кольнуло. После серой пустоты оно уже не звучало как обычная шутка.

Он спрятал телефон и вышел из квартиры. Впереди была смена, собеседование и попытка жить так, будто мир не изменился.

Но мир уже изменился.

Глава 6. RTK Services

В Москва-Сити Матвей раньше бывал только как турист.

Он видел эти башни снизу: стекло, металл, небо, отражённое в фасадах, люди в дорогих пальто, кофе в бумажных стаканчиках, машины у входов, охрана, турникеты, бесконечные лифты. Но одно дело — смотреть на всё это со стороны, и совсем другое — идти внутрь с папкой документов под мышкой и понимать, что сейчас тебя будут оценивать.

Офис RTK находился в Башне Федерация и занимал целый этаж.

Уже на ресепшене Матвей почувствовал, что попал в другой мир. Просторный холл, высокий потолок, холодный блеск пола, стеклянные перегородки, за которыми двигались люди с пропусками на шее. На стене — строгий логотип RTK Services: тёмно-синие буквы на матовой металлической панели. Всё выглядело так, будто здесь даже случайная пауза должна была быть согласована с регламентом.

У турникетов охранник проверил паспорт, сверил его с заявкой и выдал временный пропуск.

— На сорок шестой этаж, — сказал он. — Там вас встретят.

Матвей кивнул и пошёл к лифтам.

Пока кабина неслась вверх почти бесшумно, он смотрел на своё отражение в зеркальной стене. Тёмная куртка, акку-

ратная рубашка, джинсы без лишней потертости, папка с документами в руке. Вроде нормально. Вроде не выглядит человеком, который ещё вчера до трёх ночи копался в логах странной сборки и пытался убедить себя, что серую пустоту можно объяснить багом визуализации.

Лифт мягко остановился.

Двери открылись.

Этаж РТК встретил его запахом кофе, кондиционированного воздуха и новой офисной мебели. Здесь было светло, но свет казался не домашним, а деловым: ровным, прохладным, без тени случайности. За стеклянными стенами виднелись переговорные, рабочие зоны, длинные ряды столов с мониторами, люди с ноутбуками, короткие разговоры у кофемашины. Где-то тихо звонил телефон. Где-то щёлкали клавиши. Большой офис жил своей жизнью, в которой каждый знал, куда идёт, кроме Матвея.

Его встретила девушка из HR — Анна, как значилось на бейдже. Она проводила его в небольшую переговорную с круглым столом, стеклянной стеной и видом на город.

— Сначала заполните анкету, — сказала она, положив перед ним несколько листов. — Потом будет короткое собеседование с руководителем направления. Если всё хорошо, направим вас на оформление.

Матвей сел.

Анкета оказалась длиннее, чем он ожидал: паспортные данные, образование, опыт, навыки, контакты, согласия на

обработку персональных данных, вопросы о предыдущих проектах. Он заполнял поля аккуратно, стараясь не торопиться. Ручка слегка скользила по гладкой бумаге. За стеклом проходили сотрудники РТК, и каждый раз Матвей невольно поднимал глаза, будто боялся пропустить что-то важное.

Собеседование прошло быстрее, чем он думал.

Руководитель направления оказался суховатым мужчиной с уставшими глазами и привычкой говорить короткими фразами. Он спросил о языках программирования, о проектах, о Goodnet, о том, почему Матвей полез в модуль визуализации, хотя в резюме основной опыт был указан по backend-логике.

Матвей отвечал честно, но осторожно.

Про серую пустоту, Наблюдателя и строку TRACE ATTACHED он, разумеется, не сказал.

Руководитель послушал, пролистал резюме и наконец кивнул.

— Технически подходите. Остальное покажет испытательный срок.

Через полчаса Матвея направили на оформление.

— Пройдёте к зоне персонала, — сказала Анна. — Там вас оформят, соберут документы и объяснят по доступам. Сегодня у нас немного сумбурно, сотрудница отдела кадров в отпуске, её временно замещает коллега из бухгалтерии. Не удивляйтесь.

Матвей не успел спросить, чему именно он должен удивляться.

Зона персонала находилась ближе к центру этажа, за полупрозрачной перегородкой. Там было тише, чем в общем офисе. На столах лежали папки, стопки бланков, коробка с новыми пропусками, несколько чашек с остывшим кофе и один маленький кактус в белом горшке, который явно пережил уже не один кадровый аврал.

За столом у окна сидела девушка.

— Вы Матвей?

Он поднял глаза.

И первое, что Матвей заметил, — не цвет волос и не лицо, а то, как легко она улыбнулась. Будто весь этот стеклянный офис, анкеты, папки, пропуска и чужие должности не успели сделать её частью механизма.

— Да, — сказал он. — На оформление.

— Отлично. Я Наташа.

Она встала и протянула ему руку.

Матвей пожал её ладонь — лёгкую, тёплую, уверенную — и почему-то сразу почувствовал себя чуть менее чужим на этом огромном этаже Башни Федерация.

Наташа снова села за стол, взяла его анкету и склонилась над листами. Матвей украдкой посмотрел на неё, пока она проверяла первую страницу.

Она была из тех девушек, рядом с которыми пространство будто становится чуть светлее. Точёную фигурку под-

чёркивала корпоративная форма. Светлые волосы мягко ложились у лица, несколько прядей выбились из небрежно собранной причёски, и ей это шло куда больше, чем строгая офисная аккуратность. В зелёных глазах было что-то живое и внимательное — не просто вежливость сотрудницы, которая оформляет документы, а настоящий интерес к человеку напротив.

Ростом она была ниже Матвея, но не казалась маленькой. В ней была какая-то лёгкая собранность, как в натянутой струне: тонкая, гибкая, но попробуй задень — зазвенит. Маленькие серёжки-колечки в ушах тихо качались, когда она поворачивала голову, и коротко ловили свет из окна.

От Наташи едва заметно пахло свежестью летнего утра — так пахнет воздух после ночного дождя, когда город ещё не успел нагреться, а солнце только касается мокрых листьев. Этот запах не был навязчивым, но Матвей вдруг поймал себя на том, что запомнил его сразу.

— Вообще-то я бухгалтер, — сказала она, пробегая глазами по анкете. — Но наша кадровичка ушла в отпуск, и меня временно посадили сюда спасать документы от хаоса.

— И как? Документы спасены?

— Пока ведут сопротивление.

— Значит, мне повезло прийти в момент битвы.

Наташа подняла на него глаза.

— Осторожнее. У нас тут битвы в основном с принтером, а он мстительный.

— Тогда я лучше сразу займу нейтральную сторону.

— Поздно, — сказала она. — Вы уже заполнили анкету.

Теперь вы в системе.

Матвей усмехнулся.

— Звучит как начало корпоративного триллера.

Наташа рассмеялась.

Смех у неё оказался совсем не таким, как он ожидал в этом холодном офисе: лёгкий, чистый, похожий на звон маленького колокольчика. Он прозвучал коротко, но внутри Матвея почему-то отозвался странным трепетом, ему раньше не знакомым. Не смущением даже — чем-то теплее и опаснее. Будто в привычном мире, где всё можно объяснить кодом, логикой и причиной, внезапно появилась строка, которую не хотелось исправлять.

Он чуть опоздал с ответной улыбкой.

Наташа заметила это и прищурилась.

— Всё нормально?

— Да, — сказал Матвей. — Просто первый день. Башня Федерация, анкеты, принтер-мститель... адаптируюсь.

— Ничего. Через неделю будете ругаться на лифты как любой сотрудник.

— Это обязательная часть испытательного срока?

— Конечно. Без этого в РТК не принимают.

Она снова улыбнулась и вернулась к документам.

Матвей сделал вид, что рассматривает вид за окном, но на самом деле ещё несколько секунд смотрел на неё: на тон-

кие пальцы, быстро перелистывающие бумаги, на серёжку, качнувшуюся у щеки, на прядь светлых волос, которую она машинально убрала за ухо.

И впервые за несколько дней он подумал не о серой пустоте, не о странных логах и не о чужом следе за спиной.

А о том, что, возможно, этот день начался не так уж плохо.

Наташа быстро собрала документы в папку, отметила что-то в таблице на компьютере и протянула Матвею временный пропуск.

— Основное готово. Сейчас вас проведут к руководителю, потом выдадут рабочее место и доступы. После обеда, скорее всего, познакомят с Трофимом Сергеевичем.

— Это кто?

Наташа подняла глаза.

— Сын владельца. Формально курирует часть цифровых проектов. Неформально...

Она замялась.

— Неформально? — переспросил Матвей.

— Неформально лучше самому посмотреть.

— Настолько страшно?

— Нет. Просто дорого.

— В смысле?

Наташа улыбнулась уголком губ.

— Поймёте.

Он понял после обеда.

Кабинет Трофима Сергеевича Сазонова находился в даль-

ней части этажа, за матовой стеклянной перегородкой. Там было тише, чем в общем пространстве РТК. Дороже. Холоднее. Шум офиса оставался снаружи, превращаясь в глухой фон, будто кто-то закрыл дверь не только в помещение, но и в обычную человеческую суету.

Наташа шла рядом с Матвеем, хотя формально уже могла вернуться к своим бухгалтерским делам.

— Я думал, вы бухгалтер, — сказал он.

— Я тоже так думала утром.

— А сейчас?

— А сейчас мне сказали проводить нового сотрудника к Трофиму Сергеевичу и передать папку.

— То есть кадровичка в отпуске, а вы теперь ещё и проводник?

— Временный универсальный модуль РТК.

— Звучит как должность.

— Не дай бог.

Матвей усмехнулся.

Наташа рассмеялась тихо, и этот короткий колокольчиковый звук снова отозвался у него внутри тем самым странным, неловким теплом.

Секретарь постучала в дверь кабинета.

— Войдите, — прозвучало изнутри.

Трофим Сергеевич Сазонов встретил их стоя у окна.

Ему было двадцать пять.

Первое, что бросалось в глаза, — рост. Около ста девяно-

ста, широкие плечи, в меру накачанная фигура человека, который занимается не для спорта, а для силуэта. Он выглядел так, будто его тело, одежда и даже поза были частью одного тщательно продуманного образа.

Волосы уложены безупречно. Не просто причёсаны — оформлены рукой мастера, который знал, сколько небрежности можно оставить, чтобы она казалась дорогой. Тонкие усы и аккуратная бородка подчёркивали линию рта и подбородка. Лицо ухоженное, свежее, с той почти глянцевой уверенностью, которую дают постоянные визиты к стилисту, дорогой уход и привычка смотреть на себя в зеркала чаще, чем признаёшься.

От него пахло парфюмом с горькой древесной ноткой, призванной подчеркнуть мужественность. Запах был дорогой, тёплый, чуть резкий на краю, как будто специально созданный для переговоровных, кожаных кресел и людей, которые хотят войти в комнату раньше собственных слов.

Одежда была брендовой, но не кричала логотипами. Тёмно-синий пиджак сидел идеально, белая рубашка была растёгнута у горла ровно настолько, чтобы выглядеть расслабленно, но не небрежно. Часы на запястье блеснули, когда он повернулся от окна. Дорогие, тяжёлые, рассчитанные на людей, которые понимают цену без подсказок.

Трофим улыбнулся.

Улыбка была красивой.

И почти сразу неприятной.

— Матвей, — сказал он, словно имя уже успели доложить и оценить. — Новый человек в цифровом блоке.

Матвей кивнул.

— Да.

Трофим перевёл взгляд на Наташу.

Он смотрел на неё чуть дольше, чем требовала обычная вежливость. Не грубо, не открыто. Но достаточно, чтобы Матвей почувствовал, как внутри сжимается холодный узел.

— Наталья, вы сегодня везде, — сказал Трофим.

— Временно замещаю сотрудницу отдела кадров, — спокойно ответила она. — И принесла документы на оформление.

— Удобно, когда бухгалтерия умеет быть полезной не только с цифрами.

Фраза была сказана мягко, почти шутливо.

Но Матвей уловил в ней что-то неприятное.

Наташа тоже уловила.

— Удобно, когда люди умеют быть полезными без уточнения отдела, — ответила она.

Улыбка Трофима стала чуть тоньше.

— Осторожнее. В РТК быстро привыкают к тем, кто умеет отвечать.

— Хорошо, если по делу.

На секунду между ними повисла пауза.

Матвей почувствовал, что это не обычный обмен репликами. Трофим проверял границы. Наташа не отступала. И

почему-то Матвею захотелось встать чуть ближе к ней, хотя никакой явной угрозы не было.

Трофим указал на кресла.

— Садитесь. Поговорим.

Матвей сел.

Наташа положила папку на край стола, но садиться не стала.

— Я только передам документы.

— Останьтесь, — сказал Трофим. — Раз уж вы сегодня универсальный модуль РТК.

Это должно было прозвучать забавно.

Но не прозвучало.

Наташа посмотрела на Матвея, потом снова на Трофима и всё же села рядом. Прямо, собранно, будто в любой момент могла встать.

Осколок, который следовал за Матвеем с момента первого провала в серую пустоту, замер.

До этого он смотрел на людей вокруг, учился различать их слабые места, трещины, страхи, желания. В Наташе он видел страх, но рядом с ним была верность, живая ясность и светлое тепло, которое не открывало двери тьме. В Матвее — тревогу, но под ней держалась странная, упрямая внутренняя граница. В случайных сотрудниках РТК тьма и свет переплетались: зависть с трудолюбием, усталость с заботой, обида с честностью.

Но теперь перед ним стояла другая дверь.

Трофим был открыт иначе.

В нём было много силы — не настоящей, а требующей постоянного подтверждения. Он хотел не просто управлять. Он хотел, чтобы все вокруг признали: он имеет право управлять. В нём жила обида на отца, раздражение к тем, кто не видел в нём хозяина, и тонкий страх оказаться лишним в мире, который уже построили без него.

Осколок скользнул ближе.

Трофим сел напротив, сцепил пальцы на столе.

— Давайте без лишних вступлений. Мне интересно понять, что вы умеете, Матвей. Резюме — это хорошо, собеседование — тоже. Но люди раскрываются не в анкетах.

— А где? — спросил Матвей.

— В задачах. В давлении. В умении не спорить там, где нужно выполнять.

Наташа едва заметно повернула голову.

Матвей почувствовал, что Трофим говорит не только о работе.

— Спорить иногда полезно, — сказал он.

— Если понимаешь, с кем споришь.

— Или о чём.

Трофим улыбнулся.

— Посмотрим.

Он взял папку с документами, пролистал несколько страниц и задержал взгляд на подписи Матвея.

В этот момент его пальцы коснулись бумаги там, где се-

кунду назад её держал Матвей.

Мелочь.

Почти ничего.

Но для осколка этого хватило.

Он перешёл.

Не резко. Не как удар. Скорее, как тень перетекает из одного угла комнаты в другой, когда меняется свет. След, державшийся рядом с Матвеем, истончился. Чужая заноза, не сумевшая закрепиться в его страхе и вине, потянулась туда, где её принимали охотнее.

К Трофиму.

Матвей почувствовал короткий холод в груди, словно кто-то снял с него невидимую мокрую ткань. Неприятное ощущение, преследовавшее его с первого провала в пустоту, вдруг ослабло.

А Трофим наоборот замер.

На долю секунды его взгляд стал пустым.

Потом — слишком ясным.

— Интересно, — сказал он.

Голос почти не изменился.

Но Матвей почему-то вздрогнул.

— Что именно?

Трофим посмотрел на папку, затем на Матвея.

— Насколько быстро вы поймёте правила РТК.

— Мне казалось, я пришёл работать.

— Это и есть первое правило. Все так думают.

Наташа нахмурилась.

— А второе?

Трофим перевёл взгляд на неё.

— Второе — не все остаются теми, кем пришли.

В кабинете стало тихо.

За стеклянной перегородкой офис жил обычной жизнью: люди разговаривали, кто-то смеялся, кто-то нёс кофе, где-то звонил телефон. Но здесь, в кабинете Трофима, воздух словно стал плотнее.

Матвей ещё не знал, что именно произошло.

Не знал, что след, пришедший за ним из серой пустоты, больше не держится рядом.

Он только почувствовал странное облегчение.

И от этого облегчения стало страшнее.

Трофим закрыл папку с документами и откинулся на спинку кресла. Секунду он молчал, рассматривая Матвея так, словно тот был не человеком, а вещью, которую ему принесли на оценку: годится или нет, дорого стоит или можно сразу списать.

— Резюме у тебя обычное, — сказал он наконец.

— Колледж, пет-проекты, игры, склад. Почему я должен брать тебя в отдел?

Матвей мог бы обидеться.

В другой день, наверное, обиделся бы. Вопрос был задан так, чтобы задеть: не прямо оскорбить, а аккуратно поставить ниже. Но после серой пустоты, после TRACE

ATTACHED, после странного холода в груди слова Трофима показались почти нормальной человеческой грубостью. С ней хотя бы можно было работать.

Матвей посмотрел на него спокойно.

— Потому что я умею доводить рабочие задачи до прототипа. И не делаю вид, что знаю то, чего не знаю.

Трофим чуть приподнял бровь.

— Скромность или дерзость?

— Экономия времени.

Наташа, сидевшая рядом, едва заметно опустила глаза, чтобы скрыть улыбку.

Трофим усмехнулся. Возможно, ответ ему не понравился, но задел. В его взгляде мелькнуло что-то острое: раздражение, интерес и желание доказать, что последнее слово всё равно останется за ним.

— Хорошо. Будет тебе тест. У нас есть разрозненные бухгалтерские базы и отчёты для руководства. Нужно сделать приложение, которое объединит данные и покажет понятную картину. Справишься — поговорим о штате. Нет — значит, нет.

Он постучал пальцем по папке.

— Срок — неделя. Поменьше смотри по сторонам, побольше делай.

Последняя фраза была сказана почти лениво, но Матвей понял, куда она направлена.

Трофим видел, как он смотрел на Наташу.

И это ему не понравилось.

Матвей взял папку.

— Сделаю.

— Посмотрим.

На этом разговор закончился.

В коридоре Наташа шла рядом с ним молча. Только у лифтов, когда секретарь Трофима скрылась за стойкой, она тихо сказала:

— Он всегда так проверяет людей.

— Через унижение?

— Через ощущение, что ты ему что-то должен.

Матвей посмотрел на папку.

— А я должен?

Наташа улыбнулась краем губ.

— Пока только приложению.

— Уже легче.

Она коротко рассмеялась. Этот чистый колокольчиковый звук снова отозвался где-то внутри, и Матвей поймал себя на том, что улыбается не задаче, не работе и не собственному ответу Трофиму, а просто потому, что она засмеялась.

— Если что, — сказала Наташа, — я могу объяснить, как у нас устроены отчёты. Бухгалтерские базы — это не монстры. Просто иногда они выглядят так, будто их кормили после полуночи.

— А если я уже взял меч и иду в подземелье?

— Тогда хотя бы карту возьми.

Она кивнула на папку.

— И кофе. Много кофе.

Задача выглядела обычной только первые десять минут.

Матвей устроился в маленькой переговорной, которую ему временно выделили как рабочее место, открыл спецификации и почти сразу понял: «объединить данные» звучало красиво только в пересказе Трофима. На деле базы были построены по разной логике. В одной отделы назывались по внутренним кодам, в другой — полными юридическими наименованиями. Часть полей дублировалась, часть противоречила друг другу, а в старых отчётах встречались такие сокращения, будто их придумывал человек, которому платили за экономию букв.

Требования к отчётам менялись от отдела к отделу.

Финансовый блок хотел видеть сводку по затратам. Бухгалтерия — корректность проводок. Руководство — красивую картинку без лишней боли. IT — чтобы никто не трогал старые базы руками. Прямое объединение данных превратило бы систему в болото: тяжёлое, мутное, медленное и опасное для всех, кто туда войдёт.

Наташа заглянула к нему ближе к вечеру.

В руках у неё были две папки и бумажный стаканчик кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.